

О. В. Простова

Аида

Рассказы

18+

Ольга Викторовна Простова

Аида

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63695866

SelfPub; 2021

Аннотация

В настоящий сборник вошли одни из первых произведений автора. Рассказ «Аида», на первый взгляд, незатейлив по сюжетной линии, но полон глубокого смысла. Он показывает, как важно быть добрым. Зло не наполняет нас энергией, а только забирает ее, оттого добро сильнее зла, всегда. Рассказ «День совершеннолетия» написан живо и настолько натурально, что ловишь себя на мысли, что твое сердце бьется в унисон с сердцебиением главной героини, на долю которой выпало сложное испытание. В настоящий сборник попал "хулиганский", в самом хорошем смысле этого слова, рассказ "По совету врача". В завершение насладитесь рассказом "Дюкер", который обязательно вызовет у вас добрую улыбку.

Ольга Простова

Аида

Аида

В жизни каждого человека бывают события, встречи, о которых он или помнит во всех деталях или не помнит ничего.

Не помнит, потому что события для него пролетели как незначительные, неважные, не коснулись его души, не «зацепили». И помнит всё, потому что они касаются его, как-то затрагивают лично. Иногда воспоминания об очень кратковременных встречах сопровождают его всю жизнь.

Место встречи может быть и в очереди за покупками в магазине, и в кафе, и на остановке, во время ожидания автобуса. Все кажущиеся случайными события: слова людей, их поступки – являются проявлениями стройной системы, правила которой, однако, недоступны нам. Иногда мы попадаем на поезда, самолёты, круизные лайнеры – минимум на часы, дни, максимум на недели. Во Вселенском масштабе любые встречи проходят мимолетно. Их можно назвать или судьбой, или случайностью. Хотя многие считают: «Случайностей не бывает». Но они потенциальны, выбраны каким-то невероятным образом и реализованы, не зависимо от нас, наших желаний. Весь процесс связан с сотворением. Почему так происходит – очень интересно! Почему незнакомый человек, взял билет на поезд или самолет на соседнее место ря-

дом со мной? Исключительно для меня! Это не случайно, это действительно для меня! Другое дело, как я этим воспользуюсь, что возьму для себя после нашего общения, встречи? Какой должна выучить урок? Мелочей не бывает. Только наш жизненный опыт и наши мироощущения являются величайшими экспертами в этом нелегком деле. И, став более чувствительными, оголив нервные окончания для восприятия, выдвинув их, как антенны, наугад, навстречу всему неизвестному и непонятному, распахивая настежь своё сердечко, мы эту мимолетность общения превращаем в событие: событие, соединение со всем исключительным, что каждую секунду происходит вокруг тебя.

Сидя в коридоре кардиологического центра, ожидая расшифровки ЭКГ и приёма кардиолога, я читала своего любимого Сан Лайта. Очень долго никто не занимал за мной очередь, и я предположила, что буду последней пациенткой у врача, хотя на часах было всего три. Увлёкшись чтением, я вдруг услышала долгожданный вопрос, произнесённый прямо надо мной с таким акцентом, с таким придыханием и клокотанием в груди, что, оторвавшись от книги, я испуганно подняла голову. Мне было интересно, от кого могли исходить столь необычные звуки?

Передо мной стояла смуглолицая, черноокая женщина, каких очень часто можно увидеть у нас на Кавказе. Подобные толстушки мне встречались очень редко. Казалось её кофточка вот-вот разорвется, вдохни она чуть глубже, а юбку

натягивать на её тела помогала, наверное, вся семья. Шеи не было видно, а на руках, как у младенцев – «складочки-перетяжки». На скамье возле меня оставалось совсем немного свободного места, ну только на одну треть её большого тела. Незнакомка смело шлёпнулась на этот ничейный островок, я с удивлением поймала себя на мысли: как мы с женщиной, сидевшей рядом, не взлетели вверх, когда она приземлялась на другой край скамьи. Ну, так, по крайней мере, происходит со всеми в мультфильмах. Она переместила всю тяжесть своего тела на ногу, было видно, что сидеть ей так неудобно. Мне бы взять и уйти, уступить ей место. Но нет, я этого не собиралась делать, не знаю почему.

– Чта читаишь, а? – тут же поинтересовалась она, бесцеремонно закрывая мою книгу, чтобы посмотреть имя автора и название. – Нет, не знаю такова. Интииресна?

Говорила она громко. Отвечая, мне пришлось намеренно снизить голос до шепота, я не хотела, чтобы наш разговор был достоянием публики. Прочитав небольшой отрывок, закрыла книгу, так как другие пациенты оторвались от рассказов друг другу о своих болезнях, обсуждения методов лечения и стали более чем откровенно смотреть на нас, буквально замерев и не произнося ни слова. По-видимому, они рассматривали меня и громогласную пациентку, сравнивая наши размеры. Мы действительно были похожи на Пата и Паташона. Она понимающе приняла моё снижение тона разговора, и, абсолютно не интересуясь реакцией других пациен-

тов, всё еще рассматривающих нас, спросила шепотом очень проникновенно:

– Ты страница ни мотрел. Как найдёшь?

Я объяснила, что в этой книге напечатаны небольшие наставления на триста шестьдесят пять дней в году и что я открываю на любой странице.

– Давай, да, открой на сиготня! – проворковала она восходящим тоном и добавила: «Сиготня шистое».

Открыв книгу на нужной странице, я прочитала: «Как свет сменяет тьму, а после шторма наступает штиль, так и радость сменяет печаль, а после боли приходит облегчение...»

– Савсем как в Библии. Ты её читаль?

– Да-а, – объясняла я, – у меня есть Библия моей бабушки, и ей сто лет.

– Твоя бабуишка ста лет или Библия? – озорно рассмеявшись, развела она руками, однако, уже бросая взгляд по кругу, следя за пациентами, прислушиваются ли они к нашему разговору.

Вначале общение с ней мне было в тягость, я старалась быть предельно вежливой, отвечала на её вопросы очень кратко, тем самым, подчеркивая и давая понять, что она мне мешает и что всё, надоело, разговор окончен, я не хочу его продолжать. Обижать я её не хотела и старалась вежливо избавиться от назойливого внимания, попытавшись открыть книгу, чтобы продолжить чтение и показать ей, что я занята и больше не намерена разговаривать с ней. Ведь мне не очень

хотелось рассказывать совсем незнакомой женщине о своей семье, о проблемах, приведших меня сюда. Можно было, конечно, встать и демонстративно уйти или пересесть на другую скамью. Я предполагала, собираясь в центр, что предстоит длительное ожидание в очереди, и специально взяла книгу, чтобы «убить время». Но Аида – так звали Пухлечка – клещом присосалась не только к скамье, но и разместилась в моём пространстве, нарушив границы допустимого. Я не хотела делить его ни с кем, не была готова к общению, а она, напротив, чувствовала себя сверх уверенно и абсолютно комфортно, не собиралась, именно меня отпустить из поля своего зрения. Ей даже в голову не приходила мысль, что она может мне мешать, просто ей надо было с кем-то поговорить, это был её способ коротать время. А может быть, процесс ожидания в очереди, у кабинета врача, подразумевает всё же обоюдную исповедь, откровения, жалобы, советы...

Женщина, сидевшая рядом со мной до прихода Аиды, встала и зашла в кабинет врача.

«Ну, всё, мне каюк, не отвертеться от этой прилипалы», – думала я про себя, двигаясь по скамейке уступая место Аиде. Теперь почти вся скамья была покрыта её телом, она восседала на ней, как царица, расправив оборки своей юбки. Нехотя, делая вид, что я слушаю её, иногда кивая головой в знак одобрения и согласия, за какие-то десять минут я узнала о ней практически всё. Она живёт в селе, имеет своё дело: небольшую пекарню. Образования у неё нет никакого, кро-

ме школьного. Раньше вязала и неплохо зарабатывала этим, двоих сыновей вырастила, муж погуливает, выпивает.

– А сиичас пику тарты и пиирошные, биру дорого, но люди пакупают, потамушта делаю как для себе, – уже шептала мне на ухо Аида.

В центр приехала на консультацию: у неё болело сердце, в последнее время всё чаще. Работать физически приходилось много, причём всё делала сама, без помощников. Снохи еле-еле управлялись с детьми по дому; помощи в работе ей было ждать неоткуда. Появилась одышка, замучило учащённое сердцебиение; лекарства, прописанные сельским врачом, не помогали. Она показала мне, как двумя ладонями, приложенными к груди, сдерживала боль и сердцебиение. И следом открыла свой секрет скорой помощи: при первых признаках учащения пульса и боли она бежала на кухню, где в холодильнике стояла водка, делала два глотка и старалась куда-нибудь присесть. Я удивлённо смотрела на неё, не поверив словам.

– Я совсием не пию, кроме этих случаев. Знаишь, сосуди расширяться, становиться легче! Черес двадцать минут – магу работаць. Папробуй! Памагает!

Я сдерживала себя, чтобы не рассмеяться, но улыбка все-таки появилась на моем лице, потому-то я представила Пухлечка у открытого холодильника с бутылкой водки в руке, жадно делающей эти два спасительных для неё глотка. Я начала смеяться в кулачок, похихикивая, а затем, не удержав-

шись, во весь голос, но не громко, как мне казалось. Тут же поняла, что ошиблась, своим смехом я снова привлекла внимание пациентов. Они, как по команде, повернули головы к нам. Мне пришлось отвернуться от них, я не могла удержаться от смеха: до чего же мне было смешно!

Аида вырастила двоих сыновей, четверых внуков, а сейчас она занята воспитанием младшей, единственной внучки, Офелии.

– Она гаварит мнэ, штоя пахну пиирошным, и ей так и хочиться съесть минэ, – с гордостью продолжала Аида.

– Господи, да откуда имена у вас такие! – восхищенно шептала я.

Не будучи знатоком в области искусства, я все-таки припомнила, что имя Аида – из оперы Верди, а Офелия – из трагедии Шекспира «Гамлет». На этом мои познания имён, взятых, из шедевров мировой классики, конечно, исчерпывались. Но и её так удивило моё восхищение этими двумя именами, что она начала перечислять всех родственников и знакомых в надежде, что их имена мне тоже понравятся. Это заняло всего минуту, а я узнала, как много родственников у неё есть. Но среди них больше не было таких необычных и «классических» имён. Затем её заинтересовал мой возраст, и даже после трёх попыток, которые я предложила ей ради шутки – а я начала уже шутить с ней, она не угадала, сколько мне лет.

– Малада выглядишь, патамушта худая. А я никак не могу

пахудить. Восле хлеба нахожуся. Там попробуишь, тут лиснёшь! Не удержиися!

А дальше последовала долгая исповедь об одном событии её молодости, и это прозвучало как крик души. После таких откровений что-то ёкнуло во мне; какая-то кнопочка была уже задействована, включена, её шарм, и обаяние постепенно окутывали меня. Что-то интригующее витало над нами. Неприязнь постепенно прошла, лед в отношениях начал таять.

Уже потом, сидя в маршрутном такси, возвращаясь домой, прокручивая в голове ситуацию, я задавала себе вопрос, ну почему она присела именно возле меня, хотя места было достаточно на соседней скамейке и на других, стоящих поодаль. Почему именно мне предстояло выслушать её исповедь, сначала очень неохотно, а затем заинтересоваться ею настолько, чтобы провести время, отведенное нам в ожидании приёма у врача вместе с нескрываемым обоюдным интересом.

Вышла замуж она рано, в семнадцать лет. Молодоженам было предложено снять полдома у троюродной тети мужа, недалеко от родного села Аиды. Хозяйку, женщину не старую, одинокую, она, что называется, раскусила сразу. Та оказалась вредной и злопамятной, которой только и надо было кем-то понукать, кого-то «строить», кому-то приказывать: этакий «командир в юбке». И к тому же она выпивала. Постоянно просила Аиду дать ей займы немного денег. Пона-

чалу отказов не было, так как Аида даже не могла и предположить, что хозяйка и одновременно теперь и её родственница, отдавать долги не собирается. Тётя же воспринимала происходящее как должное. Она считала, что племянник и его семья должны ей помогать, причём любыми способами и средствами. И это несмотря на то, что они исправно платили ей каждый месяц. А выдача денег на выпивку, по-видимому, было одним из дополнительных видов услуг, среди многих других, таких, как работа на огороде, закупка продуктов, уборка её половины дома и многое другое. Тётя, вероятнее всего, думала, что оказала такую любезность, сдав молодым полдома, что они должны ей теперь во всём и всегда помогать! Работал один муж, Аида была в декрете, ждала появления на свет своего первенца. Лишних денег, даже для тёти, у них не было.

И хозяйке однажды пришлось услышать отказ. Это решение Аиде нелегко далось. Целую неделю она всё думала, как решить проблему, по ночам не спала, ворочалась, не знала, как поступить: поставить ли мужа в известность, что происходит дома в его отсутствие или продолжать выслушивать и отклонять её просьбы? И какие подобрать слова, чтобы, отказав, тётю не обидеть? Решила мужа совсем не посвящать в эти дела, почему-то была уверена, что он обвинит её во всём происходящем и примет сторону тёти.

Тётя кардинально изменила своё отношение к Аиде после отказа. На улице во всеуслышание во время вечерних схо-

док-посиделок она начала говорить соседкам, что не такая жена должна быть у племянника, что его женушка медлительная и ничего не умеет делать по дому. И в огороде от неё тоже проку мало: не умеет ни полоть, ни сажать, что руки у неё не из того места растут. Услышав всё это, Аида заперлась в спальне и не выходила из своего убежища целый день, хотя отлично понимала, почему тетя начала с ней войну. Но пересуды с соседками были не самым тяжким испытанием. Настоящие мучения начались позже, когда тетя начала брать без спроса их вещи на кухне, в их комнатах, а на место не возвращала: исчезали они куда-то. Смазывала чем-то липким дверные ручки в доме, замок на калитке, придиралась по всякому пустяку, обижала без повода, иногда обзывала, часто срывалась на крик, поток сквернословий в адрес Аиды так и несся из её уст. Поначалу Аида молча сносила упрёки и недовольство последней, не хотела, чтобы скандал разросся, и чтобы муж обо всём узнал. Она была уверена, что обязана вытерпеть все тётнины придирки, ведь, кавказские женщины с детства приучены подчиняться старшим.

Но как же хотелось Аиде отомстить своей родственнице за всё унижение и непонимание, сделать больно, навредить, да так, чтобы ей больше не повадно было обижать Аиду, да и вообще любого человека. Теперь ночами напролёт Аида составляла план мести. Она поклялась исполнить свой план, во что бы то ни стало. Перебрав в уме всё, что может хоть как-то крепенько задеть тётю, решает выбрать неожиданный

способ мести...помидоры.

Не раз доводилось ей слышать от соседей рассказы о небывалых урожаях на тетиных грядках. Сейчас, по весне, она видела, что тетя уже высадила рассаду в доме на подоконниках, ведь теплицы у них не было. Уж как она тряслась над ними! Ящички регулярно выносились на улицу для закаливания перед высадкой в грунт. А потом еще больше: обвязывала плотным целлофаном каждый стебелёк с корешком, что бы никакая земляная живность ни повредила корневую систему. Укрывала рассаду от заморозков; подкармливала навозом; спасая от колорадского жука, разводила в ведре пепел и брызгала этим раствором листву; ходила в ближайший лес за длинными палками; подвязывала растущие стебли; удаляла пасынки, – словом, они были её предметом особой заботы и гордости. Почти все соседи, живущие на их улице, просили тетю продать им помидоры: до чего же они были крупные и вкусные!!! Ни у кого в их селе таких помидоров не было. Лёгкая у тёти была рука, но только насчет всего, что касается огорода.

Наступил июнь. В семье, где росла Аида, всегда в это время варили варенье из молодых зёрен грецкого ореха. Она знала рецепт, хотя никогда сама не варила. Ей хотелось перед мужем показать себя хорошей хозяйкой, и решила сварить такое сложное по технике приготовления лакомство. А приготовить его – нудное и трудное дело. Во-первых, надо было очистить молодые грецкие орехи от скорлупы, руки после

этой процедуры ничем нельзя было неделю отмыть. До чего же стойкий натуральный краситель-йод. Если не работать в перчатках, то может быть ожег на руках опять-таки из-за йода. Во-вторых, надо долго вымачивать орехи, часто меняя воду.

Вот йодом-то Аида и решила испортить тетины помидоры, поливая их водой, оставшейся после вымачивания орехов. Выжидая момент, когда тетя выходила из дому по делам, Аида тайком таскала тяжелые ведра, несмотря на беременность, с драгоценной жидкостью в огород, поливая только что окрепшие и принявшиеся помидоры. Она испытывала огромное блаженство, губя, как ей казалось, тетин труд. Аида старалась полить каждый кустик, приговаривая, что им так и надо. В своих мечтах на уже видела расстроенную тетью, жалующуюся соседям на неурожай, на неизвестно почему пожелтевшую и поникшую ботву...

Муж увёз Аиду к её маме за месяц перед родами.

К середине августа Аида с малышом вернулась домой. Первая неделя прошла в заботах и делах. Честно говоря, она совсем забыла о своей мести. Только после того, как однажды вечером случайно услышав разговор соседки с тётёй по поводу продажи помидоров, она вспомнила всё. Тайком, выбрав время, побежала в огород посмотреть на них.

Удивлению Аиды не было предела. Они выросли просто гигантскими. Помидоры висели на кусте по полкилограмма каждый, и их было очень много.

– Господь уберег минэ от слога дьяния. Не даль мне делац сла. Я хотела делать сло, а все получилось во благо. Ведь помислы маи были исночально плахими, а вод рисунок окосался просто чудесным! Тепер я никому не делаю сла. Никому! Только допро. Именно оно и спосает минэ всекта.

Эти слова я часто вспоминаю, когда думаю об Аиде, моей мимолётной спутнице, собеседнице на полтора часа, но оставившей в моей душе яркий, незабываемый след, желаю ей здоровья и добра.

Как ни странно, живя уже более полувека среди людей, я только теперь понимаю, что являюсь частью слаженной системы, которая наполнена ими, и я могу, как мне кажется, почувствовать вибрации их душ – иногда хаотичные и отрицательные, а иногда упорядоченные и добрые. И при помощи именно *положительного* намерения я могу управлять собой и создавать свою собственную истину, радость, реальность, создавать свою жизнь, отличающуюся от той, что, как мне казалось, я имела.

Надо только захотеть не быть *равнодушной!*

День совершеннолетия

«Деточка» – так называла няня детей, обращаясь то к одной, то к другой дочери Софьи Яковлевны, профессора, доктора физико-математических наук, преподающей в Свердловском институте стали и сплавов. Они, две девочки, Милана и Нелли, настолько привыкли к своей няне, что не мог-

ли представить и дня без неё. Маша была в их жизни всегда, сколько они себя помнили. Не только одна мама так звала няню. А иногда и они позволяли себе называть её по имени, общаясь только между собой, и, если знали наверняка, что поблизости нет взрослых.

Мария Захаровна помогала Софьюшке воспитывать девочек. Своей семьи у неё не было. Её суженый погиб под Москвой, защищая столицу. После войны у неё было много ухажеров, но никто не тронул её сердца, как он, её Васенька. И она осталась верна своему данному когда-то обещанию: или он, или никто.

«Aut Caesar aut nihil» – Софья Яковлевна, качая головой, произносила это латинское крылатое выражение, когда редко, но выдавался свободный вечер, и они с Машей, не торопясь, ели пироги, попивая чай из тонких гравированных стаканов в красивых серебряных подстаканниках, и вспоминали молодость. А Мария Захаровна так до конца и не поняла, причем здесь Цезарь и никак не могла понять связь этой фразы с Василием. А переспросить Софьюшку стеснялась. Но втайне от всех, она ждала чуда: откроется дверь, и войдет он, такой любимый и долгожданный. Вот так и жила старея, дряхлея и надеясь столько лет, что свершится чудо, и он вернётся. Но, увы! Не выйдя замуж, Маша посвятила свою жизнь воспитанию дочерей Софьи.

Софья была очень занятым человеком. Она возглавляла деканат, читала лекции, ездила в командировки на междуна-

родные симпозиумы, писала статьи, издавала учебники, принимала экзамены и почти не бывала дома. Когда же она появлялась, дочери уже спали, а уходила на работу – еще спали. Всё воспитание девочек и ведение домашнего хозяйства было на плечах дряхлеющей старой девы, иногда чересчур доброй и многое прощающей, но, по всеобщему мнению, такой справедливой. Софью очень волновало, что она носит и как выглядит, о себе она не забывала: по воскресеньям, раз в неделю к ней приходила маникюрша, а раз в полгода – парикмахер и модистка. Последняя приносила с собой много глянцевого журналов, не советских, а «оттуда», из которых они всей семьёй выбирали новые модели одежды для гардероба профессора. Девочкам и Маше было разрешено присутствовать на таких сеансах-встречах, даже высказывать своё мнение по поводу фасонов, цвета. Мария Захаровна, как обычно, молчаливо наблюдала за происходящим, но если интересовались её мнением, то она, не задумываясь, отвечала, что ей нравится буквально всё. А вот девочек в это время нельзя было узнать. Они преображались, жестикулировали, отстаивая свои позиции, у них появлялся румянец на щеках, иногда испарина на лбах. Не всегда их мнения совпадали, вот тогда и начинался спор-битва, словесная перепалка, длящаяся, когда как, но, как правило, заканчивающаяся мирно, без обид.

Больше всего сестёр интересовали мамины шляпы и шляпки. Их было настолько много, что коробками из-под

них были забиты все антресоли в прихожей их большой квартиры. Иногда, конечно же, в отсутствии Софьи Яковлевны, Маша позволяла им примерить парочку маминых платьев со шляпками. Такое представление с переодеванием у них называлось «давать концерт». Няня ворчала, что ей приходится лазать по лестнице, «как обезьяны в лесу», чтобы достать шляпы с полки, но ведь только она знала и помнила, где находятся определенные шляпы, а девочкам нужно было примерить только те, которые особенно им нравились. О любой, первой попавшейся даже и не шла речь! Марии Захаровне, по всему было видно, это действо самой очень нравилось. Иначе бы она давно отказалась от всей процедуры. Ей было действительно тяжело, ведь во время процесса доставания коробок девочкам не позволялось даже стоять возле стрелялки, Мария Захаровна делала всё сама, так как очень боялась, что они упадут и, не дай бог, что-нибудь сломают. Не из мебели, конечно, а руки или ноги. А девчата в такие дни были на вершине блаженства, мечтая, что и у них когда-нибудь, будут такие же шляпки и платья. Для них «концерты» были настоящим праздником.

А вот отца они не знали и не помнили. Если бы не фотографии, то и не представляли бы себе, как он выглядел. А он им нравился, вернее его фотография. В мамином кабинете была так называемая «галерея почёта» семьи. Так они называли фотографии своих прародителей, висящих на стенах. Там, в позолоченных массивных рамках и находились порт-

реты их отца, деда и прадеда, конечно же, с семьями. На фотографиях все были молодыми, красивыми, правда, в немногo застывших позах. Наверное, в те давние времена, когда делались эти фотографии, считалось верхом совершенства, что женщины сидели, держа на руках младенцев, а дети, что были постарше стояли рядом, опершись на мамино плечo или колено. Мужчины – за ними, положив руку им на плечo. Особенно девочкам нравилась фотография их бабушки, маминoй мамы, в огромной шляпе с перьями, в длинном воздушном платье с многочисленными оборками и кружевами. Ну, настоящая леди с осиной талией! Мама однажды раскрыла секрет, почему у женщин была столь тонкая талия благодаря корсету. Во времена молодости бабушки без него на улицу не выходили. Сёстры мечтали: вот бы им по корсету!

Софья Яковлевна много рассказывала про бабушку, и они-то давно знали, откуда у мамы такая любовь к шляпкам – от бабули.

Младшая – Милана, она же Милочка, Миля, Милюня, была всеобщей любимицей и в семье, и в школе, училась в десятом классе и ждала с нетерпением своего совершеннолетия. В её представлении это должна быть своеобразная веха в её жизни. Она была мечтательницей, фантазёркой, в хорошем смысле «домашней» девочкой и думала, что что-то необычное, изменившее её жизнь произойдёт именно в этот день. Задолго до дня рождения она строила планы по поводу проведения долгожданного мероприятия, обсуждая за обе-

денным столом и меню, и список приглашённых, и, конечно же, фасон платья, заранее сшитого к этому дню. Обсуждался и сценарий мероприятия: придумывались конкурсы, подбирались загадки, рисовались плакаты, покупались призы. И главными советчиками по проведению праздника были Нелли и Маша. Мамы как всегда не было дома, и Милана была абсолютно уверена, что она примет и одобрит любое её предложение и нововведение. А у неё появилось кое-что, вернее кое-кто новый. Обычно из года в год она приглашала домой только подружек из класса, но в этом году список приглашенных удлинился еще на два имени. Это были два друга, ребята со двора: Валера и Павел, с которыми буквально два месяца назад её свёл один забавный случай. Это не значит, что во дворе больше не было парней, друзей Миланы, с кем она общалась, напротив. Просто эти двое, после их знакомства в открытую, не скрывая и не стесняясь своих чувств ей симпатизировали. Между ними была негласная борьба, соперничество за её дружбу и внимание. Каждый из них старался во всём, чем мог, перещеголять другого. Оба они были уже студентами в институте физкультуры. Втроём ходили в кинотеатр, в музеи, просто гуляли по парку. Парни баловали Милану, покупая ей то мороженое, то сладости, наперебой рассказывали смешные истории и анекдоты. Она знала, что нравится обоим. Но у неё хватало разума быть ровной в отношении к каждому из них, не выделять своим вниманием ни одного. А уж они буквально изворачивались наизнанку,

чтобы ей угодить. Ребята были польщены её приглашением на день рождения

Нелли, студентка – третьекурсница, тайком завидовала младшей сестре, ведь она была старше на целых четыре года, а парня у неё до сих пор не было, так, одни знакомые. А у этой «милюзги» (так она называла Милочку только про себя, никогда не смея произнести такое вслух ни при маме, ни при Маше, не говоря уже о Милане) сразу двое ухажеров! Именно появление этих двух друзей лишило сестру покоя. Она никак не выдавала своих переживаний, но в глубине души завидовала младшей.

И вот накануне вечером, когда всё было обговорено, спланировано, квартира была прибрана и украшена, в ней витал аромат праздника и пирогов, мама, вернувшись домой с работы в плохом настроении, во время ужина понурым голосом сообщила всем, что она завтра уезжает в командировку в Москву. Воцарилась тишина. Мария Захаровна застыла, поднеся ложку ко рту, а девочки выпучив глаза, недоуменно смотрели на маму. Никто не мог произнести ни слова; такое было в их жизни впервые – мама еще никогда не уезжала на чей-нибудь день рождения. Она всегда была дома в такие дни! Порядок проведения этих дней не менялся на протяжении многих лет. Милана не могла представить этот день без мамы. Не мог-ла!

Она не сдержалась, её губы затряслись, она расплакалась и выбежала из-за стола в свою комнату. Софья Яковлевна про-

кричала ей вдогонку, объясняя, что она сама очень расстроилась, когда узнала о командировке, но отказаться не могла, её не поняли бы на работе, и она сама знает, насколько важна эта командировка, и машина уже заказана, чтобы отвести её в аэропорт и билеты на руках.

Милана была просто вне себя от гнева. Как же такое может быть! Она нервно вышагивала из одного угла комнаты в другой, теребя пуговицы на манжетах платья, пару раз подходила к двери, с намерением вернуться ко всем в столовую и продолжить разговор с мамой, но каждый раз что-то мешало ей это сделать. Смахнув, в порыве гнева, всё, что было на столе, она, немного успокоившись, чтобы отвлечься, подняла первую попавшую ей под руку книгу. Буквы коварно уплывали, смысл слов стирался, хотя взгляд бегал от одной строчки к другой. Пару раз Нелли, извиняясь, заходила к ней в комнату, интересуясь, чем она занимается, и каждый раз спрашивала, неужели мама уедет и оставит их одних в такой день? Милане было не понятно: старшую сестру отъезд мамы радует или огорчает? Или сестре просто нравится наблюдать за её переживаниями? Но нет. Уж очень у неё как-то по-новому засияли глаза. Она была возбуждена всем происходящим и не скрывала этого. Интересно почему? Что она задумала?

Наконец-то выйдя из своего убежища, Миля, извинившись перед всеми за несдержанность, обнимая маму, немного поплакала у неё на плече и весь вечер провела, не отходя

от неё ни на шаг.

На следующее утро она проснулась и сразу почувствовала переполнявшие её тоску и раздражение.

«Точно такое же состояние, как вчера вечером, – подумала она. – Ну, какой же это день рождения, когда мамы дома нет», – сложив руки перед собой, как в молитве, произнесла она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.